

МЯСО ДЛЯ ЛУНЫ

18+

Григорий Гасанов

Мясо для Луны

«Автор»

2026

Гасанов Г. Р.

Мясо для Луны / Г. Р. Гасанов — «Автор», 2026

Каждый человек рождается с двумя телами. Первое живёт под солнцем. Второе растёт внутри Луны, питаясь страхом, завистью, похотью и всем, что человек не решается назвать своим. Соль зарабатывает на том, что убивает вторых. Она охотится на лунных двойников, возвращающихся после смерти хозяина, и считает их паразитами. Но однажды двойник не нападает. Он просит выслушать его и утверждает, что всю жизнь был заперт внутри человека, которого Соль любила. Вместе они отправляются к изнанке Луны. Их ждут монах с каменным сердцем, женщина, прожившая тридцать лет с чужой копией, армия людей, которые носят собственные тени вместо одежды, и правда о том, кто на самом деле сделал Луну. Чтобы вернуть человечеству целостность, Соль придётся решить, что страшнее: жить с собственной тьмой или снова от неё избавиться.

© Гасанов Г. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Выходные сведения	6
Содержание	7
Пролог	8
Глава 1. Кожа на изгороди	9
Глава 2. Мертвец идёт первым	13
Глава 3. Женщина, спавшая с покойником	18
Глава 4. Каменное сердце	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Григорий Гасанов

Мясо для Луны

МЯСО

ДЛЯ ЛУНЫ

Г. Гасанов

Мрачная фэнтези-повесть 18+

Выходные сведения

Мясо для Луны

Автор: Г. Гасанов

Жанр: мрачное фэнтези, психологический хоррор

Возрастная маркировка: 18+

Все персонажи и события являются частью художественного вымысла.

Текст и иллюстрации подготовлены как единый оригинальный проект. Обложка загружается на площадку публикации отдельным файлом.

Содержание

Пролог
Глава 1. Кожа на изгороди
Глава 2. Мертвец идёт первым
Глава 3. Женщина, спавшая с покойником
Глава 4. Каменное сердце
Глава 5. Внутренние поля
Глава 6. Девятое ребро
Глава 7. Всё, чего хочется
Глава 8. Пир тишины
Глава 9. По одному зубу
Глава 10. Шов
Эпилог

Пролог

Когда люди делали Луну, никто не думал, что она получится голодной.

Её собирали на плоском солончаке, где земля была белее старых костей. Туда приходили семьями. Мужчины вели за руки собственную ярость. Женщины несли в корзинах похоть, завернутую в мокрые простыни. Дети тащили страх на верёвках; страх упирался и оставлял на соли маленькие тёмные пятки.

Это было задолго до нынешних царств, дорог и медных колоколов. Тогда у людей не хватало слов, чтобы назвать то, что жило у них под рёбрами. Они называли всё разом зверем.

— Отдайте зверя, — говорил Первый Резчик. — И больше не будете убивать любимых во сне. Не станете желать чужого. Не испугаетесь темноты. Не солжёте самим себе.

Он был добрый человек. Все беды начинаются с добрых людей, которым дали достаточно острый нож.

Каждый подходил к каменному столу и ложился на спину. Резчики не вскрывали живот. Они вспарывали то место, где тело помнит о себе то, чего разум помнить не хочет. У одного оно находилось под языком, у другой — между бёдер, у третьего — в глазнице. Из разрезов выходили красные, чёрные, дымчатые существа, ещё без лиц. Они цеплялись за хозяев, скулили, обещали исправиться. Их били деревянными молотками, сшивали белой нитью и складывали в общую оболочку.

К вечеру оболочка стала величиной с холм. К ночи — с гору.

К утру она закрыла полнеба.

Тринадцать тысяч резчиков тянули канаты, а хор спокойных людей пел, чтобы не слышать, как над ними плачет их собственная половина. В полдень оболочка оторвалась от соли. Она поднялась тяжело, как вырванное сердце, и зависла в небе.

Первый Резчик вытер нож.

— Теперь мы цельны, — сказал он.

Одна девочка засмеялась. Она единственная не отдала страх и потому поняла, что взрослый произнёс глупость.

Ночью новая Луна открыла первый глаз.

А через девять месяцев родился первый человек с двумя телами.

Глава 1. Кожа на изгороди

Соль и тот, кто вернулся первым

Двойник висел на терновой изгороди и просил принести ему брюки.

Просьба была разумной. Ниже пояса у него ничего не было, кроме гладкой серой кожи, похожей на брюхо дохлой рыбы. Выше пояса он выглядел как покойный мельник Рузан: тот же мясистый нос, та же родинка на левом соске, те же пальцы, которыми Рузан при жизни крал муку у вдов. Только рот раздвоился до ушей, и в каждой половине рос отдельный ряд мелких зубов.

— Штаны, — повторил он. — А потом поговорим как мужчины.

— Я не мужчина, — сказала Соль.

Двойник прищурился.

— Тогда юбку. Мне безразличны условности.

Соль поставила на землю кожаный футляр. Вокруг изгороди собралась вся деревня Кривые Груши: человек сорок живых, двое почти живых и староста, который давно умер внутри, но продолжал собирать налог на сушёные яблоки. Люди держались за спинами друг друга. При каждом движении двойника изгородь хрустела, терновые ветви входили глубже в его лопатки, а из ран вместо крови сочилось молоко.

— Рузан умер позавчера? — спросила Соль.

— Три дня, — ответила вдова мельника. — Мы его камнем придавили. Как положено.

— Камень цел?

— Треснул.

— Значит, не как положено.

Соль надела длинные перчатки. На правой ладони кожа была вытерта до серебряных нитей: следы сотен охот. Она достала из футляра крюк, банку печной золы и маленькое зеркало без отражения.

Двойник увидел инструменты и перестал улыбаться двумя ртами.

— Я могу рассказать, где Рузан прятал деньги.

Вдова шагнула вперёд.

Двойник на терновой изгороди

— Погоди убивать.

— В погребе под третьей бочкой, — сказал двойник быстро. — Четыре золотых, два серебряных, зуб молочницы Леи и её нижнее бельё.

Вдова подумала.

— Убивай.

Соль прислонила зеркало к груди существа. В нём не возникло лица, зато проступила тёмная комната. Настоящий Рузан стоял там на коленях, нюхал украденную ткань и плакал. Затем он душил жену. Затем целовал её посиневшие пальцы. Ни одно из этих событий не случилось при его жизни. Всё это он хотел, боялся и запрещал себе достаточно сильно, чтобы желания отложились в лунном теле.

— Смотри, какая мерзость, — сказал староста с облегчением. — А наш Рузан был тихий.

— Ваш Рузан каждое утро просыпался вместе с этой мерзостью, — сказала Соль. — Тишина стоила ему дорого.

Она бросила щепоть золы в молоко, стекавшее по изгороди. Двойник выгнулся. Два его рта закричали вразнобой: один голосом взрослого мужчины, второй — младенца. Соль не любила этот момент. Не из жалости. Жалость на охоте мешала движению руки. Она не любила совпадение: все двойники перед смертью плакали голосами детей.

Крюк вошёл под груди́ну. Соль повернула запястье и вытащи́ла лунный узел — комок прозрачных жил, в котором метались крошечные сцены несбывшегося. Узел бился, как сердце. Она опустила его в банку с золой.

Существо на изгороди обмякло. Серое тело за несколько вдохов превратилось в складку пустой кожи.

Деревня шумно выдохнула.

— С вас мешок соли, ночлег и овёс для кобылы, — сказала Соль.

— Ты же Соль, — заметил староста. — Зачем тебе соль?

— Я её ем.

Он не понял, шутит ли она. Соль тоже не была уверена.

За ужином вдова мельника принесла тушёную гусятину и всё-таки надела найденное в погребѣ бельѣ: чёрная кружевная лямка выглядывала из-под траурного платья. Люди быстро оправлялись после чужих кошмаров. Особенно если кошмары оставляли золотые монеты.

Соль ела отдельно, у окна. Луна стояла над грушевыми садами огромная, желтоватая, с бледными прожилками. В полнолуние она походила не на небесный камень, а на орган, который кто-то вынул из великана и забыл убрать. Иногда по её поверхности проходила судорога. Тогда собаки прятались под телеги, а беременные женщины ощущали второй толчок — не в животе, а далеко наверху.

Каждый человек рождался дважды. Первое тело выходило из материнской крови. Второе начинало расти в Луне, питаясь тем, что первое не смело сделать, сказать или даже подумать до конца. У большинства лунные тела никогда не спускались. Они спали в белой плоти до гниения, пока после смерти человека нить между мирами не рвалась. Но если узел был слишком тугим, если желаний накопилось больше, чем могла удержать смерть, двойник падал на Землю.

Для этого существовали охотники.

Соль занималась ремеслом девятнадцать лет. Она не знала, сколько ей самой лет. Приёмная мать говорила: нашла её после Лунного Дождя, голую, злую и уже с двумя взрослыми зубами. Возраст определили по коленям, характер — по укусу.

На рассвете Соль выехала из Кривых Груш. Кобыла по имени Сплетня прихрамывала и осуждающе косилась на хозяйку.

— Не начинай, — сказала Соль.

Сплетня фыркнула.

— Я заплатила за овёс.

Кобыла знала правду: заплатил староста.

Дорога шла вдоль глиняных полей, где крестьяне выращивали белый лён для погребальных пелён. На каждом перекрёстке стояли чаши с золой. Путники мазали веки, чтобы не принять двойника за человека. Соль не мазала. Она различала их по запаху — тёплое железо, сырое молоко и что-то сладкое, как дыхание после лжи.

К полудню она заметила воронов. Птицы кружили над старой каменоломней, но садиться не решались. Соль свернула с дороги.

Внизу, между пластами серого известняка, лежал мужчина. Горло перерезано, сапоги сняты, в правой руке зажата прядь женских волос. Обычный дорожный труп. Соль бы проехала мимо, если бы не узнала шрам у него на подбородке.

Ирвек.

Она спустилась в каменоломню так быстро, что Сплетня едва не переломала ноги. Соль опустила́сь рядом с телом и долго смотрела, не касаясь.

Ирвек был её напарником семь лет. Потом они три месяца спали в одной постели, два месяца лгали, что это ничего не меняет, и один вечер честно ненавидели друг друга. После этого он ушёл. Сказал, что нашёл работу проводника на северных тропах. Соль ответила, что надеется: тропы сожрут его раньше клиентов.

Теперь на губах у него запеклась кровь. Над левым ухом белела свежая лунная метка — полукруг, которого при жизни не было.

Соль проверила карманы. Нож исчез. Деньги остались. Значит, убили не ради грабежа. В подкладке куртки она нашла кусок пергамента с одной фразой:

НЕ ДАЙ ЕЙ УБИТЬ ТЕБЯ СНОВА.

Почерк принадлежал Ирвеку.

Камни за её спиной шевельнулись.

Соль выхватила крюк и обернулась.

Из узкой трещины выбирался голый человек. Сначала показались пальцы, потом плечо, вывернутое под невозможным углом, потом голова. Камень пропускал его неохотно, сдирая кожу длинными лентами. Человек упал на колени, закашлялся и поднял лицо.

Это был Ирвек.

Не серый урод. Не растянутая маска из его желаний. Такой, каким Соль помнила его в редкие спокойные утра: тёмные волосы, впалая щека, насмешливый излом рта. Только глаза были серебряными, без зрачков.

Соль ударила крюком. Он поймал древко ладонью. Кожа задымилась, но не лопнула.

— Соль, — сказал он. — У тебя по-прежнему ужасный способ здороваться.

Она ударила коленом. Ирвек отлетел к стене. Соль прижала крюк к его горлу.

— Скажи то, чего двойник знать не может.

— Ты храпишь, когда врёшь во сне.

— Это знали многие.

— Не настолько многие, как ты сейчас притворяешься.

Она сильнее нажала на крюк. Серебро обожгло кожу, и запах горячего молока стал густым.

— В ночь перед моим уходом, — прохрипел Ирвек, — ты спросила, почему я никогда не говорю, что люблю тебя. Я ответил: потому что у тебя нож под подушкой. На самом деле я не сказал, потому что внутри меня кто-то кричал это без остановки, и я боялся открыть рот.

Соль замерла.

— Он кричал моим голосом, — продолжил Ирвек. — Я слышал его всю жизнь. Он был не на Луне. Он был во мне.

На дне каменоломни покойник открыл глаза.

Человеческое тело Ирвека повернуло голову и посмотрело на своего двойника. Губы разошлись, выпуская струйку белого пара.

— Беги, — прошептал мертвец.

Двойник схватил Соль за запястье.

— Ты не того из нас собираешься убить.

Глава 2. Мертвец идёт первым

Ирвек говорит правду

Покойник поднялся не сразу. Смерть мешала ему в локтях.

Он перевернулся на живот, встал на четвереньки и несколько раз безуспешно попытался вдохнуть через перерезанное горло. Затем сунул пальцы в рану, раздвинул края и втянул воздух прямо туда. Получился звук, похожий на хохот осла в колодце.

— Это ещё что? — спросила Соль.

— Человек, — ответил лунный Ирвек. — Наконец-то только человек.

Мертвец бросился.

Соль оттолкнула двойника и встретила покойника крюком. Лезвие вошло между рёбер, но вместо лунного узла зацепило плотную чёрную нить. Нить тянулась из груди вверх, исчезая в дневном небе. Соль никогда не видела такого у человеческого тела.

Покойник ударил её лбом в переносицу. Перед глазами лопнул красный свет. Он навалился, пахнувший известью и пустым кишечником, и попытался добраться зубами до её лица. Лунный Ирвек обхватил мёртвого себя сзади.

— Отвратительное чувство, — сказал он, удерживая извивающееся тело. — Теперь понимаю женщин, с которыми спал.

Соль перерезала чёрную нить.

Крик пришёл с Луны.

Даже днём она была видна над краем каменоломни — бледная, почти прозрачная. По её поверхности пробежала тёмная складка. Мертвец обмяк. Лунный Ирвек отпустил его и сел рядом, разглядывая собственный труп.

- Так я выглядел снаружи? — спросил он.
— Обычно хуже.
— Утешает.
Соль вытерла крюк и направила остриё на него.
— Теперь ты.
— Если бы хотела, уже убила бы.
— Я люблю сначала понять болезнь.

Первое решение Соли не убивать

- А потом вырезать больного.
Он протянул руку к карману мертвеца. Соль ударила древком по пальцам.
— Медленнее.
Ирвек достал медную пластинку, пришитую к внутренней стороне пояса. На ней был выгравирован знак: круг, рассечённый вертикальной чертой, а вокруг — девять коротких насечек.
Соль знала этот знак. Он стоял на старом шраме у неё под грудью.
Она не стала смотреть вниз. Ирвек и без того заметил, как напряглись её плечи.
— Кто его убил? — спросила она.
— Он сам. Почти.
— Не играй словами.
— Человеческий Ирвек шёл к монастырю Безветрия. Хотел узнать, почему слышит меня внутри. На третью ночь нить натянулась. Его рука достала нож. Я пытался остановить её изнутри, поэтому порез вышел кривой.
— Двойник не живёт внутри человека.
— Охотники много чего говорят перед тем, как всадить крюк.

Лицо в старом зеркале

Он поднялся. Голый, окровавленный и слишком похожий на мужчину, которого она однажды хотела удержать. Соль сняла плащ и бросила ему.

— Это не доверие, — сказала она. — Мне неприятно разговаривать с чужими причинами.

— Ты уже разговаривала. Иногда довольно ласково.

Крюк остановился в волосе от его серебряного глаза.

— Было недолго, — добавил Ирвек.

Они похоронили тело под каменной осыпью. Лунный Ирвек смотрел, как земля закрывает его человеческое лицо, без заметной печали. Только под конец взял снятый с мертвеца медный перстень и надел на мизинец.

— Откуда записка? — Соль показала пергамент.

— Он написал себе. Или мне. Мы начали путаться за месяц до смерти.

— «Не дай ей убить тебя снова». Кто она?

— Не знаю. Но, полагаю, ты. У тебя подходящее выражение лица.

Соль связала ему руки серебряной цепочкой и посадила на Сплетню. Кобыла понюхала двойника, оскалилась, потом ткнула мордой в его плечо.

— Предательница, — сказала Соль.

До монастыря Безветрия было пять дней через холмы, где ветер обдирает кору с деревьев. Соль не собиралась идти туда. Она собиралась доставить двойника в ближайший охотничий дом, вскрыть, записать отклонения и сжечь остатки.

Так она говорила себе первые два часа.

Она всё ещё называла это доставкой добычи. Но чёрные нити, знак на пластинке и лицо Ирвека в зеркале уже складывались в другую работу: сначала понять, кто тянет двойников назад; потом решать, кого убивать.

На третий час Ирвек уснул в седле и начал шептать её имя. Не с нежностью. С ужасом.

Они остановились у высохшего канала. Соль развела огонь из кустов перекасти-поля. Еду двойник не попросил, но когда она жарила кусок гуся, его живот заурчал.

— Вы едите? — спросила она.

— Мы желаем есть. Иногда этого достаточно.

Она отрезала кусок и положила на камень. Ирвек взял мясо связанными руками. Ел медленно, будто вспоминал механику. На губах выступил лунный пот — блестящие капли, поднимавшиеся вверх.

— Что ты помнишь? — спросила Соль.

— Всё, что помнил он. И ещё то, что он забывал намеренно. Как в семь лет столкнул брата в пруд. Как радовался, пока тот тонул. Как потом полез спасать и всю жизнь считал спасение доказательством своей доброты.

— Ты и есть эта радость.

— Я ещё рука, которая вытащила брата. Просто Ирвек забрал себе руку и оставил мне радость.

— Удобная сказка для чудовища.

— А «я уничтожаю зло» — удобная сказка для тебя.

Соль бросила кость в огонь. Жир зашипел.

— Я видела, что делают двойники. Мать из Угольных Ям вернулась и сварила троих детей, потому что при жизни боялась признаться: ненавидит их. Старик из Клёна пришил себе лица соседей. Девушка с побережья заставляла мужчин вылизывать соль из собственных ран.

— Последнее звучит как дорогая услуга.

— Ей было четырнадцать, когда она умерла.

Улыбка исчезла с его лица.

— Тогда это не смешно.

— Ничто из этого не смешно.

— Нет, Соль. Почти всё смешно. Поэтому и страшно. Человек поскальзывается на кишках врага, ломает шею и умирает счастливым, потому что успел убить. Луна делает из нас шутки, но забывает, где ставить конец.

Ночью она привязала цепочку к собственной лодыжке. Проснулась от прикосновения к лицу. Ирвек сидел рядом и большим пальцем стирал кровь у неё под носом.

Соль ударила его, прежде чем поняла: он освобождён. Серебряная цепочка лежала разомкнутая. На каждом звене отпечатались крошечные зубы.

— Ты скрежещешь во сне, — сказал он. — И кровь идёт вверх.

Капля действительно висела над её верхней губой, потом медленно поднялась и пропала в темноте.

Соль схватила зеркало без отражения и приставила к груди Ирвека. В стекле возникли их тела, сплетённые на старой койке: не воспоминание, а желание. Человеческий Ирвек отвернулся бы. Этот смотрел.

— Видишь? — сказала она. — Похоть, которую он запер.

— Не всю.

Картина сменилась. Ирвек стоял на коленях перед маленькой девочкой, покрытой лунной пылью. Девочка держала в руке охотничий крюк. Лица не было, только гладкая кожа.

— Это не моё, — тихо сказал он.

Зеркало треснуло.

По высохшему каналу к ним приближались люди с фонарями. Шли молча, ровной цепочкой. Мужчины, женщины, двое детей. Все босиком. У всех на груди был вырезан знак круга с девятью насечками.

Соль встала, подняв крюк.

Первой подошла старуха. Из раскрытого рта у неё свисала чёрная нить.

— Верни беглеца, — произнесла она.

Нить дёрнула её голову назад, словно кукольник проверил узел.

Остальные открыли рты. Чёрные нити натянулись к Луне.

— Верни, — сказали люди хором. — Он должен быть внутри.

Ирвек поднял сломанную цепочку.

— Видишь? — спросил он у Соли. — Вот за кем ты охотилась всю жизнь.

Глава 3. Женщина, спавшая с покойником

Ужин с человеком, которого уже нет

Соль бросила в огонь банку золы.

Пламя стало белым. Люди с нитями застыли, заслоняя лица, а она толкнула Ирвека в сухой канал.

— Бежим.

— Я предлагал это ещё в каменоломне.

— Наслаждайся: впервые ты был прав.

Они побежали по растрескавшемуся дну. Сплетня неслась по берегу, обгоняя их и время от времени поглядывая вниз с выражением существа, которое лучше выбрало дорогу, но вынуждено терпеть глупых двуногих.

Позади раздался треск. Старуха прыгнула в канал и приземлилась на прямые ноги. Кости вышли из колен, однако она продолжила идти. За ней спустились остальные. Нити управляли ими грубо, не заботясь о сохранности.

Ирвек сорвал с себя плащ, набросил старухе на голову и столкнул под ноги мужчине. Соль крючком зацепила одну из чёрных нитей. В этот раз не стала резать — намотала на древко и потянула.

Луна над горизонтом дрогнула.

Все преследователи одновременно упали на колени. Соль почувствовала на другом конце тяжесть, которая не имела веса. Будто целое море заметило леску и теперь решало, стоит ли утащить рыбака.

— Отпусти! — крикнул Ирвек.

Крюк впился в перчатки. Серебряные нити на ладони раскалились. Соль упрямо держала. Из чёрной нити пришло воспоминание.

Женщина в белом фартуке склонилась над каменным столом. На столе лежала девочка без лица. Женщина разрежала ей грудь знаком круга и сказала:

— Тебе нельзя знать, откуда ты.

Соль отпустила нить.

Её отбросило к стене канала. Когда она пришла в себя, вокруг никого не было. Преследователи лежали неподвижно. Ирвек тащил её за ворот, ругаясь словами, которые человеческий Ирвек употреблял только при падении с лошади.

— Я могу идти.

— Прекрасно. Начни.

У ближайшего поселения канал раздваивался. На столбе висели три указателя: к известковым печам, к овечьим пастбищам и к дому Ады.

Жизнь с чужим мужем

Последняя надпись была сделана красной краской. Под ней кто-то добавил: **НЕ СУЙСЯ, ЕСЛИ ДОРОГИ ПАЛЬЦЫ.**

— Гостеприимный край, — сказал Ирвек.

Соль вспомнила имя. В охотничьих списках числилась Ада Моровая, вдова кожевника. Её муж Марет умер от болотной горячки, вернулся двойником и прожил с ней семь лет. Трёх охотников, посланных уничтожить его, нашли без кожи. Четвёртого не нашли, что считалось улучшением.

— Идём к ней, — сказала Соль.

Дом стоял посреди овечьего выгона, окружённый шестами. На каждом сушилась человеческая рубашка. Не кожа — Соль проверила издали. Уже хороший знак.

Ада встретила их на крыльце. Ей было около пятидесяти. Высокая, широкая в плечах, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, на котором жизнь оставляла царапины, а не морщины. В правой руке она держала мясницкий тесак, в левой — кружку.

— Охотница, двойник и дурная лошадь, — перечислила Ада. — Начало неплохое. Чем кончается?

— Обычно счётом, — сказала Соль.

— Тогда уходите. Я бедная.

Из дома донёсся мужской кашель.

Соль вскинула крюк. Ада метнула кружку. Та попала в древко, обдав Соль горячим отваром.

— Ещё раз направишь железо на мою дверь, — сказала хозяйка, — вставлю его тебе туда, где серебро не чернеет.

— У тебя двойник.

— У меня гость. Двойники в твоей компании.

Ирвек поклонился.

— Голый двойник. Если гостеприимство включает штаны...

Ада оглядела его.

— Марет был толще. Но найдём.

В доме пахло дублёной кожей, чесноком и болезнью. У очага сидел мальчик лет двенадцати. Слишком худой, с огромными чёрными глазами. Он был живым человеком — Соль слышала неровное сердце. Грудь покрывали тонкие шрамы, сходящиеся в лунный знак.

— Это Ладо, — сказала Ада. — Сын соседки. Был весёлый, дрался, воровал яйца. Потом охотники уничтожили двойника его умершего отца. Мальчик успокоился. Вот уже два года сидит. Даже не мастурбирует, а в его возрасте это медицинское чудо.

— Ада, — пробормотал мальчик без возмущения.

— Видишь? Раньше покраснел бы.

Соль присела перед ним.

— Что ты чувствуешь?

— Ничего плохого.

— А хорошего?

Ладо подумал.

— Не помню разницы.

За занавеской снова кашлянули. Соль отдернула ткань.

На кровати лежал мужчина, собранный из плохо подходящих частей. Молодые руки, старческая грудь, детские ступни. Лицо менялось при каждом вдохе: то женское, то бородастое, то обожжённое. В живот входила чёрная нить, уходившая через потолок.

— Это не Марет, — сказала Соль.

— Марета больше нет, — ответила Ада. — А это то, что его съело.

Существо открыло глаза.

— Не съело, — прошептало несколькими голосами. — Сохранило.

Ада усадила их за стол, налила горький отвар. Ирвек получил старые штаны Марета; короткие, но достоинство прикрывали. Ладо сидел в углу и следил, как муха ползает по его руке. Не пытался согнать.

— Марет вернулся через сорок дней после похорон, — начала Ада. — Голый, с головой набок и членом, которым очень гордился. При жизни тоже гордился, хотя причин было меньше.

Ирвек кашлянул в кружку.

— Первые недели он был зверем. Жрал сырое, ломал мебель, требовал меня по шесть раз за ночь. На третий день я сломала ему два пальца и объяснила порядок в доме. После этого научился спрашивать.

— Ты знала, что он двойник, — сказала Соль.

— У настоящего Марета на спине было родимое пятно. У этого пятно кусалось. Трудно не заметить.

Ада говорила сухо, но рука на столе сжалась.

— Он помнил всё. И то, как любил меня, и то, как хотел задушить, когда я смеялась над ним. Первого Марета эти вещи разрывали. Второй носил обе спокойно. Иногда был жесток. Иногда добр без всякой выгоды. Семь лет мы прожили. Не счастливо. Счастье вообще короткая болезнь. Но честно.

— Что случилось?

— Пришли охотники.

Соль посмотрела на рубашки за окном.

— Я их не убила. Раздела и отпустила. Кожа — выдумка соседей, чтобы торговцы не просили ночлега. Марет ушёл, чтобы их отвести. Вернулся через месяц вот этим.

Она кивнула на существо за занавеской.

— Луна начала втягивать двойников обратно. Не только его. Внутри оказались лица других. Он сказал: «Нас перемалывают». Потом попытался откусить себе руки, чтобы не трогать меня чужими пальцами.

Соль подошла к кровати. Приложила треснувшее зеркало к груди существа. Стекло почернело. Из глубины донёсся стук — тысячи кулаков били в одну дверь.

— Куда ведёт нить? — спросила она.

Лица на голове сменились. На мгновение возник Марет: добродушный лоб, сломанный нос.

— К изнанке, — сказал он. — Там шов. Там делают тихих.

Чёрная нить дёрнулась. Существо выгнулось, руки разошлись по суставам, как распускающиеся цветы. Из живота полезли лица. Они не были отдельными головами — только рты, глаза, носы, выпуклости под тонкой кожей. Каждый что-то кричал.

Ирвек прижал Ладо к стене, закрывая от брызг. Соль обхватила нить перчаткой.

— Если перерезать, он умрёт.

— Он устал, — сказала Ада.

Марет снова проступил среди лиц.

— Не весь, — выговорил он. — Оставь... хоть злость.

Ада взяла тесак обеими руками и перерубила нить.

С потолка посыпался белый пепел. Существо затихло. Чужие части начали стекать с кровати густой массой. Ада опустилась на колени, нашла среди них руку Марета — толстые пальцы, два сросшихся сустава — и прижала к щеке.

Соль ожидала крика. Ада только сказала:

— Второй муж умер грязнее первого. Значит, был настоящий брак.

Ладо вдруг засмеялся. Один короткий звук, похожий на икоту. Все повернулись к нему. Мальчик испуганно зажал рот.

— Я подумал, — сказал он, — что рука всё равно лезла ей под юбку.

Ада посмотрела на ладонь покойника.

— Бывало.

Она тоже рассмеялась — зло, со слезами.

Позже они сожгли остатки на выгоне. Пламя тянулось не вверх, а в сторону Луны. Ада бросила в него рубашку мужа, постояла, затем собрала дорожную сумку.

— До изнанки можно добраться через Глотку, — сказала она. — Монахи Безветрия стерегут вход. Марет однажды ходил туда во сне.

— Мы не звали тебя, — сказала Соль.

— Поэтому и иду. Когда зовут, обычно хотят переложить груз.

Она дала Ладо ключи от дома.

— Вернусь — проверю овец. Не вернусь — съешь. Не перепутай порядок.

На рассвете они втроём направились к монастырю. У границы выгона Соль оглянулась.

Ладо стоял среди белых рубашек. За его спиной тень отделилась от ног, поднялась на четвереньки и посмотрела им вслед.

У мальчика снова росло лунное тело.

Глава 4. Каменное сердце

Каменное сердце Таля

Монастырь Безветрия построили в месте, где никогда не двигался воздух.

За последним холмом ветер просто падал. Трава там стояла прямая и седая, облака обходили долину, дым из монастырских труб висел над крышами столбами, словно не решался выбрать сторону. Путники, входившие в долину, сперва радовались тишине. Потом замечали, что не слышат собственного дыхания.

Соль услышала его только тогда, когда за ними закрылись ворота.

— Дышать можно, — сказал привратник. — Разговаривать нежелательно. Желать запрещено.

Он был толст и гладко выбрит. На серой рясе вышита белая ладонь, зажимающая чёрный рот.

— Как вы проверяете желания? — спросила Ада.

— Они проверяют нас.

Привратник посмотрел на Ирвека и позвонил в маленький колокол. Звuka не было, но в стенах что-то повернулось. Из галереи вышли шестеро монахов. Все несли короткие копья с каменными наконечниками.

— Лунный, — сказал привратник.

— Брюки на нём человеческие, — заметила Ада. — Это должно считаться попыткой исправиться.

Монахи окружили Ирвека. Тот поднял руки.

— Я прибыл раскаяться во всём, что сделал другой человек.

— У двойника нет другого человека, — ответил голос с галереи. — У него вообще нет человека.

По лестнице спускался монах в такой же серой рясе, только без знака на груди. Он был высок, худ и удивительно молод для настоятеля, которым его сразу назвала осанка. Бритая голова покрыта белыми шрамами, как фарфор после неумелой склейки. На поясе не оружие — каменный молоток.

— Таль, хранитель Глотки, — представился он. — Охотница Соль. Мы ждали тебя.

— Это взаимная ошибка, — сказала Соль.

Таль остановился напротив. Его глаза были светло-карими и совершенно неподвижными.

— Ты пахнешь открытой дверью.

— А ты надгробием.

— Моё сердце из камня. Запах объясним.

Четверо и карта к Луне

Он сказал это без образа. Расстегнул рясу и показал грудь. Под прозрачной кожей между рёбер лежал серый овальный камень. По нему проходили тонкие красные трещины. С каждым ударом камень чуть сжимался, выталкивая кровь.

Ада наклонилась ближе.

— Удобно. Если разочарует женщина, можно замостить двор.

Таль застегнул рясу.

— Женщины меня не разочаровывают. Для этого пришлось бы чего-то ожидать.

— Монах, — вздохнула Ада. — Даже оскорбляют без воображения.

Их провели в зал омовений. Вместо воды в каменных чашах лежал мелкий песок. Следовало опустить туда руки и назвать последнее дурное желание. Ирвек сказал, что хотел сломать

привратнику нос. Ада призналась: ей хотелось заставить привратника съесть колокол. Соль держала руки в песке молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.